

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

УДК 343.13

А.Ю. ЕПИХИН,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье дан анализ уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности участников процесса при производстве по уголовному делу, установленных действующим УПК РФ. Помимо закрепленных в ч. 3 ст. 11 пяти мер безопасности можно рассматривать и иные средства, способы защиты участников уголовного процесса.

Рост посткриминального воздействия – угрозы и насильственных действий преступников в отношении потерпевших и свидетелей – обусловил включение в УПК РФ (ч. 3 ст. 11) следующих мер безопасности: не приводить данные о личности защищаемого лица в протоколе следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); допускается прослушивание телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186); опознание проводится в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего (ст. 193); допускается закрытое судебное разбирательство (ч. 3 ст. 241); допускается участие потерпевших и свидетелей в уголовном процессе под псевдонимом (ч. 9 ст. 166, ст. 278). Их принято считать уголовно-процессуальными мерами безопасности участников процесса¹. Следует отметить, что эти процессуальные меры, средства, способы являются не единственными в УПК РФ.

¹ Ученые выделяют уголовно-правовые, административно-правовые, организационные и др. меры безопасности участников уголовного судопроизводства.

Помимо перечисленных положений предотвращению посткриминального воздействия могут служить и другие уголовно-процессуальные нормы. Например, указание в протоколе следственного действия только фамилии, имени и отчества его участника, что возможно на основании п. 3 ч. 3 ст. 166, где установлено, что адрес и другие данные о личности участников следственных действий указываются лишь «в необходимых случаях»². Этой же цели служит и ознакомление допрашиваемого с аудио-, видеозаписью показаний защищаемого лица – вместо проведения очных ставок, что допускается ч. 3 ст. 190, где установлено, что в ходе допроса наряду с предъявлением допрашиваемому вещественных доказательств и документов мо-

² Следует отметить, что сложившаяся следственная практика считает обязательным атрибутом протокола указание места жительства, работы, номера телефонов и пр. Автор считает, что в случаях обеспечения противодействия угрозе безопасности свидетеля потерпевшего в протоколе следует ограничиваться только фиксированием фамилии, имени и отчества. Это не противоречит нормам УПК РФ.

гут воспроизводиться материалы аудио- и видеозаписи следственных действий. Кроме этого, ч. 1 ст. 191 УПК устанавливает право (**но не обязанность**) проведения очной ставки между ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. В целях обеспечения безопасности и исключения визуального контакта между обвиняемым и потерпевшим (свидетелем), дающим уличающие показания и опасаящимся противоправного воздействия, на взгляд автора, возможно провести следствие без очной ставки, используя иные способы устранения существенных противоречий. Очная ставка – один из способов устранения противоречий.

Защитой от посткриминального воздействия могут являться и меры пресечения, причем в действующем УПК РФ такое их предназначение выражено более зримо: в ч. 1 ст. 97 УПК РФ возможные угрозы обвиняемого свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства прямо указаны в качестве одного из оснований для избрания мер пресечения. Важно, что в качестве основания для избрания мер пресечения названа именно возможность угроз, то есть решение об избрании меры пресечения будет своевременным (законным), если она предотвратит именно возможность угроз участникам уголовного процесса, а не прекратит высказываемые угрозы. Справедливо отмечается, что некоторые судьи в обоснование ходатайств о применении заключения под стражу требуют от следователей доказательств именно осуществляемых угроз. Но такие требования противоречат ст. 97 УПК РФ. Обеспечению безопасности потерпевших способствует также реализация ими права на обжалование постановления судьи об отказе избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу [1].

Как меру безопасности следует рассматривать и возможность выделения уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования в целях изоляции обвиняемого и тем самым предотвращения с его стороны воздействия на потерпевших и свидетелей по иным эпизодам преступной деятельности (ст. ст. 154, 155 УПК).

При ознакомлении обвиняемого и защитника по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела мерой безопасности является то, что в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ обвиняемому и защитнику предъявляются материалы уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, то есть обвиняемому и защитнику не предъявляются постановления следователя, в которых указаны подлинные данные о лицах, участвующих в уголовном процессе под псевдонимом (содержащееся в ч. 1 ст. 217 положение не должно рассматриваться как противоречащее п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53, где установлено право обвиняемого и защитника знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела).

Невручение обвиняемому приложения к обвинительному заключению – списка лиц, вызываемых в суд. Эта мера не была предусмотрена в УПК РСФСР, не указана она и в ныне действующем Законе, но еще в 1996 г. Президиум Верховного Суда РФ признал правомерным ее применение (как соответствующее международно-правовым и российским конституционным нормам), указав, в частности, что ее применение наряду с удалением подсудимого из зала суда на время допросов потерпевших и свидетелей содействовало получению их правдивых показаний [2]. Соответственно, при окончании расследования в форме дознания возможны ограничения на ознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом в части, содержащей сведения о месте жительства вызываемых в суд.

В ходе судебного разбирательства возможны следующие меры защиты его участников. Запрет председательствующим фотографирование, видеозаписи и киносъемки в судебном заседании – с тем чтобы ограничить круг граждан, которым защищаемый становится известен визуально. Возможность такого запрета предусмотрена в ч. 5 ст. 241 УПК РФ в случае, если перечисленные способы фиксации судебного процесса создают для него «препятствия». Препятствием является, в том числе, опасение

граждан давать показания, исполнять другие уголовно-процессуальные обязанности перед объективами фото-, видео- или кинотехники. Согласно ч. 5 ст. 241 УПК РФ не допускается и проведение аудиозаписи, если она создает препятствия для судебного разбирательства.

Ограничение доступности к сведениям о потерпевшем и свидетеле (фамилией, именем и отчеством) в соответствии с ч. 2 ст. 278 УПК РФ, которая обязывает председательствующего перед допросом установить личность свидетеля, потерпевшего и отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему, но не место жительства допрашиваемого и иные сведения о нем. Естественно, это сложно применимо, если, например, очевидец преступления наблюдал его совершение из окна своей квартиры, но удаленность ее от места происшествия обуславливает необходимость экспериментальным путем определить, была ли у свидетеля возможность правильно воспринимать обстоятельства совершенного деяния.

Удаление из зала суда нарушителей порядка на основании ч.ч. 1 и 3 ст. 258 УПК РФ. Следует, однако, учитывать, что такое удаление – санкция, то есть реакция на уже высказанную угрозу и иные формы посткриминального воздействия, а не мера его предупреждения.

Допрос в отсутствие публики отдельных лиц при открытом в целом судебном заседании – соответствии с ч. 3 ст. 241 УПК РФ, где установлено, что определение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании может быть вынесено «в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части» (под «соответствующей частью» судебного разбирательства следует понимать не только, например, судебное следствие в целом, но и допрос отдельного участника процесса).

Оглашение лишь вводной и резолютивной частей приговора – в соответствии с ч. 7 ст. 241 УПК РФ, если уголовное дело рассмотрено в закрытом судебном заседании. В данном случае не оглашаются содержащиеся в мотивировочной части приговора показания свидетелей обвинения, то есть не оглашаются и сведения о последних.

За рубежом применяются и другие меры безопасности, получившие признание со стороны

Европейского Суда по правам человека как не противоречащие международно-правовым стандартам в сфере уголовного судопроизводства: 1) видеозапись показаний защищаемых граждан и воспроизведение ее в стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых; 2) ограничение материалов уголовного дела, предъявляемых для ознакомления обвиняемому и защитнику при окончании предварительного расследования; 3) использование видеотрансляции допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания; 4) допрос в суде вместо потерпевших и свидетелей должностных лиц правоохранительных органов, которым в ходе их служебной деятельности от потерпевших и свидетелей стали известны обстоятельства совершенного преступления; 5) временное ограничение права защитника и содержащегося под стражей подзащитного на свидания.

Российский УПК подобных мер, к сожалению, не содержит, однако в нем закреплено правило о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство (ч. 3 ст. 1). Решения же Европейского Суда, в которых вышеперечисленные меры безопасности признаны правомерными, основаны на международном праве, более того, они являются одним из важнейших его источников. Отсюда вывод, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ прямого указания на вышеперечисленные защитные меры, использование их в России правомерно (при соблюдении определенных условий, установленных Европейским Судом по правам человека).

К сожалению, доступ к решениям Европейского Суда по правам человека для российских юристов существенно затруднен, что грозит появлением противоречивой судебной практики, поскольку в такой ситуации невозможно обеспечить единый подход всех правоприменителей к оценке законности тех или иных мер безопасности. Поэтому задачей российского законодателя является непосредственное введение в УПК РФ вышеперечисленных мер безопасности. Пока же эта проблема может быть

решена путем принятия Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего постановления, разъясняющего, какие меры безопасности и при каких условиях допустимы в отечественном уголовном процессе.

Не менее важная задача – устранение «половинчатости» тех мер, которые уже закреплены в отечественном УПК.

Так, из содержания ч. 8 ст. 193 УПК понятно, что для проведения опознания в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым, возможно оборудование специального помещения зеркальным экраном, но не ясно, допустима ли для такого опознания видеотрансляция из помещения, где находится опознаваемый, в место нахождения опознающего? Тем более неясно, возможна ли видеозапись опознаваемого, статистов и последующее ее предъявление опознающему? Но в некоторых случаях использование видеотехники может быть более доступным, а в некоторых случаях и оптимальным. Например, 14-летние подростки-очевидцы убийства заявили, что боятся участвовать в опознании подозреваемого, в связи с чем в следственном изоляторе, естественно, с соблюдением определенных правил была сделана видеозапись подозреваемого и сходных с ним лиц, а затем ее предъявили подросткам, и преступник был опознан. В данном случае опознаваемый содержался в следственном изоляторе, и нахождение в нем школьников следует признать нецелесообразным.

К сожалению, об использовании видеотехнологий в ч. 8 ст. 193 УПК РФ не говорится. Более того, указание на то, что понятия должны находиться «в месте нахождения опознающего», говорит о том, что законодатель, очевидно, предполагал лишь один вариант опознания, когда опознаваемый не видит опознающего вследствие какой-либо физической преграды (стекла с зеркальным покрытием и т.п.), а не использования видеотехнологий, и потому, как и прежде, их применение может рассматриваться судом как нарушение уголовно-процессуального закона.

Более подробно остановимся на такой новелле отечественного уголовного процесса, как допрос под псевдонимом. К сожалению, при

нормативном урегулировании применения данной меры безопасности допущен ряд пробелов.

Во-первых, использование псевдонима оказалось невозможным в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно ч.ч. 2 и 3 ст. 141 УПК письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное заносится в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность. Естественно, не может использоваться псевдоним и в объяснениях граждан в этой стадии уголовного процесса. Но ведь нередко посткриминальное воздействие осуществляется именно с целью не допустить начала уголовного преследования (возбуждения дела). В Белоруссии и Польше законодатель учел это обстоятельство, в России же – нет.

Не урегулирован вопрос о том, как поступать, если гражданин был допрошен под настоящей фамилией с оформлением соответствующего протокола, а угроза посткриминального воздействия возникла после допроса. Польский УПК, например, предусматривает допрос свидетеля вновь – уже под псевдонимом и изъятие из дела протокола первого допроса. Это единственно возможное решение данного вопроса, но в российском УПК оно оказалось непредусмотренным, и как теперь рассматривать исключение протокола допроса из дела – как фальсификацию? Возможно изъятие первого протокола допроса и хранение его при деле в отдельном конверте либо в материалах прокурорского производства.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ, постановление, в котором указаны подлинные данные лица, участвующего в процессе под псевдонимом, помещается в конверт, опечатывается и приобщается к уголовному делу. Сведения, содержащиеся в уголовном деле, относятся к сведениям конфиденциального характера (в соответствии с п. 2 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г.). Но надежна ли эта степень защиты, особенно в случаях, когда речь идет о жизни свидетелей? Следует воспринять опыт той же Белоруссии, где аналогичное постановление хранится по правилам секретного делопроизводства.

Одним из оптимальных вариантов использования в качестве псевдонима являются буквы алфавита. Но, поскольку в словарях русского языка псевдоним понимается как вымышленное имя, а сам УПК РФ не содержит ответа, что следует использовать в качестве псевдонима, возможно, российские следователи будут использовать в таком качестве не только буквы (что, кстати, принято в ряде европейских стран и самом Европейском Суде по правам человека), но и вымышленные фамилии, имена, отчества. Следует обратить внимание, что в этом случае другие вымышленные данные (дата, место рождения и пр.) в протоколах следственных действий не должны указываться, то есть не должны заполняться соответствующие графы в бланке протокола. При выполнении требований ст. 217 УПК РФ это сделает очевидным участие в судопроизводстве псевдонима для обвиняемого и его защитника. Иное, то есть оставление их в неведении, что в уголовном процессе участвует псевдоним, что его показания использованы при разрешении уголовного дела, исключит возможность для осужденного обжаловать судебное решение на том основании, что, по его мнению, показания псевдонима составили основу обвинительного приговора (неотъемлемость у осужденного права на обжалование приговора по такому основанию вытекает из решений Европейского Суда по правам человека. Соккрытие от сторон участия в уголовном процессе граждан под псевдонимом сделало бы невозможной и реализацию права заявлять ходатайства о раскрытии подлинных сведений о таких гражданах (ч. 6 ст. 278 УПК РФ).

Надо сказать, что содержание ч. 6 ст. 278 может повлечь немало сложностей. Допустим, человек, владеющий важной доказательственной информацией, согласился сотрудничать с органами следствия с условием, что его личность останется неизвестной преступникам. Наряду с

предоставлением гражданину псевдонима ему должно быть разъяснено, что на основании ч. 6 ст. 278 его подлинные данные суд в стадии судебного разбирательства может раскрыть сторонам. И здесь возникает вопрос, пойдет ли гражданин, учитывая такую возможность, на сотрудничество с правоохранительными органами? Далеко не во всех случаях. Дело в том, что закон не увязал раскрытие личности гражданина ни с устранением угрозы для него, ни с согласием самого гражданина, то есть действительных гарантий безопасности свидетелей и потерпевших не предусмотрено.

Очевидно, УПК РФ надо дополнить следующими нормами: 1) личность потерпевшего и свидетеля не раскрывается без его согласия; 2) при выводе суда о необходимости раскрытия подлинных сведений о защищаемом, но при несогласии с этим последнего раскрытие не производится, показания же защищаемого лица суд исключает из исследуемого перечня доказательств (при этом, поскольку исключение не связано с каким-либо нарушением Закона, не могут подвергаться сомнению законность решений об обыске, избрании меры пресечения и другие решения, которые были приняты на основании либо с учетом показаний псевдонимов, допустимость других доказательств, полученных благодаря их показаниям; исключение показаний псевдонимов из совокупности доказательств, исследуемых в рамках судебного следствия, может повлиять лишь на решения, которые суд принимает в ходе следствия и завершая производство в суде первой инстанции).

Список литературы

1. Брусницын Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 12.
2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 2. – С. 9–11.

В редакцию материал поступил 10.11.08.

Ключевые слова: меры безопасности, защита, обвиняемый, опознание, допрос, личность.